ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова

* * *

Бессмертно слово художника

Подлинно великие художественные произведения обладают тем свойством, что выходят за пределы своего времени и волнуют человечество даже тогда, когда историческая обстановка, породившая творчество писателя, ушла в прошлое. Более того, чем гениальнее писатель, тем тоньше и глубже раскрывается он потомкам. Каждая новая эпоха может сказать о нем новое слово. Не потому лишь, что она привносит в его образы свое толкование, но потому, что идеи и образы, нарисованные этим писателем, могут бесконечно раскрываться такими гранями, которые ранее были скрыты и которые начинают волновать лишь будущие поколения. В этом — бессмертие классиков. В этом — залог бессмертия и великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Долгое время Чехов слыл писателем «хмурых людей» — интеллигенции 80-х годов XIX века и бытописателем, бичевавшим пошлость и уродливость жизни в царской России.

Но вот в дневниковых записях Зои Космодемьянской, ученицы 10-го класса московской школы, героини советского народа, погибшей в борьбе за нашу родину, мы прочли ее любимые изречения — выписки из художественных произведений. Эти произведения формировали ее сознание, воспитывали ее чувства, создали ее цельный, светлый героический характер, типичный для советского молодого человека. И там мы находим такую выписку из Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Зоя Космодемьянская лучше поняла Чехова, чем иные его исследователи. Она почуяла в нем самое дорогое, самое обаятельное. Это — мечту его о прекрасном, гармоническом человеке, его глубокое убеждение в том, что придет время и из жизни исчезнут пошлость и невежество, равнодушие и мелочность, его горячее стремление к переустройству человеческого общества. Так возникают перед вдумчивым читателем образы светлых мечтателей, искателей истины и правильного пути, людей, томящихся в скуке жизни, ненавидящих безделье и равнодушие и зовущих к творческому труду и осмысленному счастью.

Чехов всей силой души, не меньше, чем Гоголь и Щедрин, ненавидит пошлость и равнодушие, косность и тупость. «Горячее желание видеть людей простыми, красивыми, гармоничными», по выражению Горького, находит в его творчестве свое непосредственное художественное воплощение. Талантливый, преданный медицине доктор Дымов из рассказа «Попрыгунья»; старый профессор из «Скучной истории», не удовлетворенный своим прочным положением в научном мире, но ищущий большого социального идеала, идеи, которая об'яснила бы все человеческие отношения и стремления; старый пастух из рассказа «Счастье», ищущий счастья на земле; банковский чиновник Гуров из «Дамы с собачкой», впервые в 40 лет почувствовавший большую, настоящую любовь к женщине и понявший через это благотворное, большое чувство всю ложь и фальшь предыдущей своей жизни; Тузенбах, мечтающий о счастливом человечестве; наконец, Надя из рассказа «Невеста», уходящая от тусклой и бездеятельной среды в трудовую жизнь, чтобы учиться, работать и перевернуть жизнь, — вот мир людей, которые стремятся к тому, чтобы в человеке было всё прекрасно: и душа, и мысли.

Горький писал Чехову в 1898 г.:

«Говорят, например, что Дядя Ваня и Чайка—новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. Я нахожу, что это очень верно говорят. Слушая вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей, и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — ваши делают это».

Это очень верно сказано, и критика наша еще мало разобрала то коренное и важное, чем творчество Чехова воспитывает и советское общество. Секрет Чехова-художника—в том, что он достиг и в изображении реальной жизни и в постановке важнейших социальных вопросов предельной простоты, краткости и об'ективности. Может показаться многим, что за этой простотой нет философской глубины, за краткостью нет сложности, за об'ективностью нет лирической взволнованности великого гуманиста. Надо уметь читать Чехова вдумчиво, медленно, глубоко, и тогда раскрывается художник, обаяние и сила которого покоряли Ленина и Горького, воспитывали Зою Космодемьянскую и нашу советскую молодежь.

Все идеалы и мечты Чехова связаны с темой родины и верой в русского человека. При своей сдержанности он нигде не пишет об этом прямо. Но любовь и уважение к этому человеку, величие и красота русской природы пронизывают каждую мысль и образ писателя. Вера в человека и торжество справедливости роднит Чехова со всей русской литературой. В начале XIX века Пушкин утверждал:

«Ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Горький, определивший развитие русской литературы XX века, продолжая Пушкина, восклицал: «Человек—это звучит гордо!»

Чехов словами Тузенбаха из «Трех сестер» доказывает эту же идею:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25 или 30 лет будет работать уже каждый человек. Каждый».

Таковы идеалы Чехова, столь близкие нашей современности. Человек и его счастье, борьба за свободную жизнь и расцвет человеческих способностей, нежная любовь к родине, исторический оптимизм — в этом пафос его творчества, в этом его выдающееся значение не только для русской, но и для мировой культуры.

Первенствующее место русской литературы признают и наши друзья за границей. Литературное приложение к английской газете «Таймс» в редакционной статье писало в 1942 году: «Русская литература дала нам больше, чем заимствовала от нас... Невозможно устоять перед силой таких великих художников, как Лев Толстой, Достоевский, как Тургенев, Чехов и Гоголь». И в свете совершающихся великих событий, грандиозных и блестящих побед Красной Армии 1944 года, наполняются еще более ощутимым, еще более глубоким смыслом слова товарища Сталина, сказанные в самые тяжелые для нашей родины ноябрьские дни 1941 года:

«И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова».

В творчестве Чехова воплощены лучшие черты русской нации, всё многообразное богатство русской культуры. Вооруженный этим духовным богатством, великий русский народ вышел на борьбу с фашистским варварством и мракобесием. Проникнутый патриотическими идеалами и гуманистическими идеями, наш свободный и могучий народ одержит в этой борьбе полную победу.

А. БЕЛКИН,
кандидат филологических наук.

На 57 языках народов СССР

Когда вдумываешься в сухие цифры тиражей изданий произведений А. П. Чехова, немая статистика оживает. Она рассказывает не только о народной любви к писателю, но и об огромном росте культуры советских людей, культуры, проникающей в самые отдаленные уголки страны.

За последнюю четверть века до революции, при жизни и после смерти Чехова, его произведения были изданы в количестве 639 тысяч экземпляров. В годы советской власти, примерно за такой же период времени, тираж чеховских изданий значительно превысил 16 миллионов экз. И если до революции рассказы Чехова издавались всего лишь на пяти языках, то в наше время они издаются на 57 языках народов, населяющих СССР. Наиболее популярные рассказы Чехова: «Ванька», «Белолобый», повесть «Мужики» были изданы на ногайском, кумыкском, талышском, татском, уйгурском и других языках, причем в десятках тысяч экземпляров. Отдельные произведения писателя издавались у нас также на польском, болгарском, греческом и других иностранных языках.

В годы Великой отечественной войны произведения Чехова попрежнему издаются огромными тиражами и мгновенно раскупаются. Так, в 1943 г. в осажденном Ленинграде рассказы Чехова были изданы в количестве 10 тысяч экземпляров. В Москве издание рассказов великого писателя продолжается все военные годы. В 1941 году Детиздат выпустил в серии «Школьная библиотека» сборник избранных рассказов тиражом в 400 тысяч экз. В 1942 году — сборник для школьников с рисунками художников Кукрыниксов. В 1943 г. Детгиз предпринял новое издание в количестве 75 тыс. экз. и, наконец, в текущем году Гослитиздат выпустил большой однотомник повестей и рассказов Чехова тиражом в 50 тыс. экз.

За годы войны произведения Чехова издавались также в Свердловске, Уфе, Ташкенте, Тбилиси и других республиканских и областных центрах.

Новые материалы литературного архива

В Центральном государственном литературном архиве СССР — этом богатейшем собрании рукописных фондов по литературе и искусству — хранится много материалов Чехова и о Чехове, имеющих большое значение при изучении жизни и творчества великого русского писателя.

Особый интерес представляют письма А. П. Чехова и к нему, а также мемуары его современников. Среди рукописей писателя — автографы ранних рассказов: «Роман репортера», «Роман доктора», «Цветы запоздалые», миниатюры Антоши Чехонте, свидетельствующие о скрупулезной работе писателя над отделкой своих произведений.

Большим количеством документов представлены биографические материалы. Среди них — ведомости об успехах и поведении учеников таганрогского ремесленного училища за 1874 год, где одно время учился Чехов, школьная ведомость таганрогской гимназии, кураторские карточки Чехова-студента, удостоверение об утверждении писателя в звании академика, от которого он впоследствии демонстративно отказался в связи с «академическим инцидентом» с А. М. Горьким.

Среди чеховских материалов много неопубликованных писем: письма к журналисту В. С. Кривенко, чьи рецензии о «Трёх сёстрах» высоко ценил писатель, письмо к А. И. Куприну, представившему на суд Чехова корректурный оттиск своего рассказа «На покое» и получившему от него обстоятельный критический отзыв, и другие.

Любопытны цензорские документы, касающиеся отдельных рассказов и драматических произведений Чехова. Творчество великого писателя вызывало большую тревогу у царских чиновников. Из «Мужиков» цензор требовал «задержать, если не исключить, страницу 193». Пьесы Чехова цензура распорядилась «к исполнению в народных театрах отклонить».

Новые чеховские материалы готовятся к изданию.

* * *

Образ учителя в творчестве Чехова

Чехов горячо любил русский народ, убежденно верил в его природную талантливость, трудолюбие, в его неисчерпаемые духовные силы, он верил, знал, что пробудить эти силы можно просвещением широких народных масс. И он мечтал не только о всеобщей грамотности, не только о школах, но и об университетах для народа. «Грамотность, когда человек умеет читать только вывески на кабаках, да изредка книги, которых не понимает, — такая грамотность держится у нас со времен Рюрика. Не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей. Нужны не школы, а университеты», — так говорит Чехов устами одного из героев рассказа «Дом с мезонином».

В преодолении невежества и отсталости, в формировании нового человека с благородной душой и благородными стремлениями огромная роль должна принадлежать учителю. Высоко ценя его призвание, Чехов говорил А. М. Горькому: «Если бы вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель... Учитель должен быть артист, художник, влюбленный в свое дело... Нужно, чтобы он был первым человеком в деревне».

Много таких учителей-энтузиастов, беззаветно преданных своему делу, было и в дореволюционной России. Тысячи интеллигентных юношей и девушек забирались в глушь, в деревню и всю свою жизнь посвящали обучению крестьянской детворы, духовному общению с народом. В мрачных условиях самодержавия этот труд был подвигом, а на подвиг был способен не всякий. Угнетаемый недоверием и подозрительностью начальства, задавленный нуждой и лишениями, учитель вместо радостного сознания полезности своего труда часто испытывал горькое чувство неудовлетворенности и обиды. «Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бывает набита мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях...» — писал Чехов в рассказе «На подводе».

В этом небольшом рассказе Чехов с потрясающей силой показал, как в условиях его времени мельчает и гибнет человек, избравший высокое поприще учителя, но не сумевший преодолеть трудностей быта, дурного влияния среды, покорившийся реакционным требованиям начальства.

Страшная, казенная действительность коверкала и комкала душу учителя, убивала в нем мысль о призвании. Она же порождала и таких учителей, как Беликов — герой рассказа «Человек в футляре».

От этого зловещего образа нельзя отмахнуться. Он заслоняет все другие образы рассказа. Мы как-то физически ощущаем его — с темными очками на бледном лице, с зонтиком, калошами, ватой в ушах, с его вечным «как бы чего не вышло», с его преданностью циркулярам и ужасом перед всяким проявлением живой жизни и свежей мысли. Мы жалеем людей, которые были товарищами Беликова по педагогической работе и испытывали на себе гнет его присутствия и влияния. Мы с горечью думаем о его учениках-гимназистах.

Чехов не выдумал своего Беликова. Беликовские черты были присущи многим учителям таганрогской гимназии, где он учился.

Значит ли всё это, что Чехов считал самой типичной фигурой среди русского учительства Беликова и ему подобных?

Конечно, нет. Чехов глубоко ценил учительский труд. Это не могло быть иначе при той огромной вере в прогресс, в силу человеческого разума, которая всегда жила в Чехове. Изображая в своих рассказах отдельных учителей, он хотел раскрыть трагедию учителя, труд которого в дореволюционной России часто не мог приносить удовлетворения. Многие учителя не выдерживали тяжелой обстановки казенщины и бездушия и теряли свое «я».

Так превращается в Беликова добрый и чуткий Федор Ильич Кулыгин («Три сестры»). Так гибнет нежная, мягкая Марья Васильевна («На подводе»). Так захлебывается в тине пошлости учитель Никитин, ищущий, культурный, но постепенно запутывающийся в мелочах обывательской жизни («Учитель словесности»).

В рассказах Чехова есть немало образов учителей, вызывающих симпатию и глубокое уважение читателей. Когда в рассказе «Человек в футляре» мы отодвинем в сторону мрачную фигуру Беликова, мы увидим воспитанных на Тургеневе и Щедрине Буркина и его товарищей, которым было душно, смрадно в обществе Беликова, увидим антипода Беликова — Коваленко.

Мы находим в нем как раз те качества, которые нужны хорошему, передовому учителю. Он презирает всё косное, застойное, он искренне любит свое дело, науку, смел, прям, ненавидит пошлость и терпеть не может Беликова. Он — не борец. Он грозит только: «Нет, братцы, поживу с вами еще немного и уеду к себе на хутор и буду там раков ловить и хохлят учить...». Но это настоящий, живой человек, «с кровью в жилах, жаркой кровью»... И мы не сомневаемся, что он—хороший учитель.

Другой положительный образ учителя у Чехова — Сысоев, герой рассказа «Учитель». Несмотря на свои человеческие недостатки, Сысоев — подлинный педагог, влюбленный в свое дело. Он сумел завоевать любовь детей, воспитать их смелыми и искренними, передать им свои знания, сумел заслужить общую любовь среди товарищей. Есть в конце этого рассказа прекрасная, живая деталь, чудесно схваченная Чеховым. Вернувшись домой с торжественного обеда, этот обреченный тяжелой болезнью на смерть учитель «подошел к столу, где лежала стопка ученических тетрадей, и, выбрав тетрадь Бабкина, сел и погрузился в созерцание красивого детского почерка...».

Мечты Чехова об идеальном учителе—не отвлеченные фантазии прекраснодушного интеллигента; это мысли человека, практически знакомого с вопросом и болеющего душой за его разрешение. Чехов как общественный деятель очень близко стоял к сельской школе. Живя в 90-х годах в Мелиховской усадьбе, он выстроил на свои средства три школы — в Талеже, в Новоселках и Мелихове. Он составлял план их постройки, участвовал в закупке материала, лично следил за строительством. В качестве попечителя Талежского сельского училища и члена училищного совета он нередко беседовал с учителями, присутствовал на экзаменах в сельских школах и сам экзаменовал учеников. И когда Чехов излагал Горькому свои идеалы, он исходил из реального представления о положении сельского учителя и о том, в каких условиях находится школа. Но, конечно, он строил свой идеал на глубокой вере в то, что среди русских учителей при других условиях найдутся такие, которые «представят силу, достойную уважения».

В советскую эпоху чеховская мечта оказалась осуществленной. Мы постоянно повторяем слова Чехова: «Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело». Повторяем — и как пожелание, и как утверждение того, что уже во многих случаях есть в живой действительности.

Советская родина окружила учителя всеобщим вниманием и уважением, открыла перед ним широчайшие перспективы и неограниченные возможности для творческой деятельности, для радостного и вдохновенного служения любимому делу. И тысячи педагогов показывают себя достойными благородного призвания, как воспитатели молодого поколения советского народа.

В. ЛИТВИНОВ,
преподаватель литературы 57-й школы Москвы.

Поэт детской души

«Красиво-простой он любил всё простое, настоящее, искреннее» (Горький).

Самое лучшее и благородное в жизни, утверждал Чехов, это — молодость и дети, в которых — будущее человечества.

Будучи на Сахалине, великий художник записал: «...Что бы ни говорили, и как бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые приятные люди на Сахалине это — дети... В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносят элемент нежности, чистоты, кротости, радости. Присутствие детей оказывает ссыльным нравственную поддержку, спасает от отчаяния, от окончательного падения».

Детская психология, интересы и запросы детей, их пробуждающееся сознание постоянно привлекали внимание Чехова. В его рассказах проходят дети всех возрастов, начиная с маленького ребенка Липы, трагическую гибель которого художник передал с потрясающей силой, и кончая образами юношей и девушек, от которых веет большой нравственной силой. Это Ани и Нади насадят новый вишневый сад роскошнее прежнего.

Для детей он создал перл русской детской литературы—«Каштанку». Приписывая животному человеческие чувства, горе, радость, благородство, художник будит в детях гуманность и сострадание, учит их с любовью относиться к своим друзьям. «В воспитании и в жизни детей домашние животные играют едва заметную, но несомненно благородную роль,—говорит Чехов в рассказе «Событие». — ...Мне даже иногда кажется, что терпение, верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации сухого и бледного Карла Карловича или же туманные разглагольствования гувернантки, старающейся доказать ребятам, что вода состоит из кислорода и водорода».

Всегда серьезный, целомудренно сдержанный, вдумчивый и наблюдательный, Чехов хорошо понимал детскую психику, мир детских радостей и горестей. Он не подходил к детям извне, а жил в них, с ними и за них. Ему доступны самый аромат и поэзия детской души.

Чехов, как никто из русских писателей, умел чувствовать и мыслить в категориях и формах детского познания и мышления, детского восприятия мира вещей и событий. «Если взглянуть под кровать, то увидишь куклу с отломанной рукой и барабан, а за нянькиным сундуком очень много разных вещей: катушки от ниток, бумажки, коробка без крышки и сломанный паяц. В этом мире, кроме няни и Гриши, часто бывает мама и кошка. Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста» («Гриша»). Так художественно и почти научно рассказывает Чехов о том, как возникает в сознании детей мир в его первоначальной органичности и целостности. Этот мир узкий, но зато все краски в нем новые и свежие.

У маленьких людей свои интересы, свои наблюдения, свои настроения. «У него свое течение мыслей, — думал прокурор о своем сыне Сереже.—У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и не важно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер».

Чехову — знатоку и поэту детской души — известны самые глубины интересов и переживаний детей. Как живые, встают перед нами персонажи рассказа «Детвора»: Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркин сын Андрей, ожидающие за игрой в лото, пока приедут старшие и расскажут, «какой был ребеночек на крестинах и что подавалось за ужином». Чехов безошибочно знает, о чем думает каждый из этих пяти. Гриша занят финансовыми соображениями и обуреваем завистью к счастливым партнерам. Для Ани деньги ничто, она пылает чистым самолюбием. Соню занимает самый процесс игры; всякой удаче, своей и чужой, она оживленно радуется. «По виду флегма, но в душе порядочная бестия», Алеша играет «ради недоразумений, которые неизбежны при игре». Кухаркиного сына занимает «философия» игры: «Сколько на этом свете цифр и как они не перепутаются».

Детвору всё влечет и занимает: кухарка женится — событие, кошка окотилась или, по выражению детей, «ощенилась»—тоже интересное и замечательное событие, могущее перевернуть всю их жизнь.

В рассказе «Житейская мелочь» Чехов с изумительным искусством показывает, насколько непосредственна, прямо и своеобразна детская логика, повинуясь которой ребенок перебегает от предмета к предмету, облекая свои мысли в характерную форму.

Алеша, мальчик лет восьми, рассказывает, как он вилится с отцом, который разошелся с матерью: «Сначала здороваемся, потом все садимся за стол, и папа начинает угощать нас кофеем и пирожками. Соня, знаете, ест пирожки с мясом, а я терпеть не могу с мясом! Я люблю с капустой и с яйцами. Мы так наедаемся, что потом за обедом, чтобы мама не заметила, мы стараемся есть как можно больше... Папа нас целует, обнимает, рассказывает разные смешные остроты. Знаете, он говорит, что когда мы вырастем, то он возьмет нас к себе жить. Соня не хочет, а я согласен. Конечно, без мамы будет скучно, но я ведь буду ей письма писать! Странное дело, можно будет даже по праздникам к ней с визитом приходить—не правда ли? Еще папа говорит, что он мне лошадь купит. Добрейший человек! Я не знаю, зачем это мама не позовет его к себе жить и запрещает нам видаться с ним». В этой болтовне мальчика раскрыта вся его восприимчивая и чуткая душа.

Дети естественны в наивности своего разговора, в смене интересов, блещущих неожиданными вопросами. Прокурор Быковский об'ясняет сыну понятие собственности, и мальчик неожиданно перебивает его: «Папа, из чего делается клей?» Ход мыслей Сережи — совсем иной, чем у отца, и как ни подделывается опытный правовед, полжизни упражнявшийся во всякого рода пресечениях, предупреждениях и наказаниях, он решительно теряется и не знает, что сказать мальчику. А Сережа в следующую минуту думал уже о том, «как дядя Игнатий хорошо играл на скрипке, как смерть уносит на тот свет матерей и дядей, а их дети и скрипки остаются на земле. Покойники живут на небе, где-то около звезд и глядят оттуда на землю».

Детская душа полна для Чехова прелести и свежести. Сколько поэзии в мечтах Егорушки, когда он воображал, что по степи скачут высокие колесницы с дикими, бешеными лошадьми, которыми правят сказочные люди!

Мальчик из рассказа «На страстной неделе» мечтает о другом. Его пленил образ дамы в голубом платье. И он трогательно, наивно говорит себе: «Когда вырасту большой, непременно женюсь на такой женщине».

Дети любят свои мечты и фантазии проявлять в действиях, хотя бы в игре. Отсюда родился знаменитый чеховский рассказ «Мальчики» с его полукомической, полутрагической фигурой Монтигомо Ястребиный коготь, вождь непобедимых.

Ребенок просыпается «с душой ясной и чистой, как хороший весенний день». Он доверчив, наивен, добр; он, как цветок, тянется к солнцу, к свету и радости. Он требует гуманного и ласкового отношения, уважения к его маленькой личности. Но в жизни часто бывает так, что, вступив в мир взрослых, дети навсегда теряют радостное мировосприятие. Этот процесс слишком тяжел для хрупкого детского сознания, и Чехов взволнованно и внимательно следит за этим процессом как художник и как воспитатель.

В рассказе «Дома» он говорит: «Как еще мало осмысленной правды и уверенности даже в таких ответственных, страшных по результатам деятельностях, как педагогическая, юридическая, литературная».

Для Чехова судьба человека и его счастье дороже всего на свете. Он горячо сочувствует Ваньке Жукову, «которому нет жизни на свете», переутомленной девочке Варьке, которую довели до преступления, маленькому Пете, у которого отец пропил пальто, и т. д.

Против лжи, предрассудков, пошлости и всяческой рутины в воспитании Чехов обрушивается всей силой своего могучего таланта. Перед мальчиком Алешей («Житейская мелочь») грозным призраком встал вопрос о справедливости и правде. И жизнь дала ему тяжелый урок. Он поверил свою тайну взрослому человеку, который дал мальчику честное слово не выдавать его тайну. Взрослый цинично нарушил свое слово. «Послушайте, ведь вы честное слово дали,—проговорил Алеша, дрожа всем телом... Он уселся в угол и с ужасом рассказывал Соне, как его обманули. Он дрожал, заикался, плакал, это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью; ранее же он не знал, что на этом свете кроме сладких груш, пирожков и дорогих часов существует еще и многое другое, чему нет названия на детском языке». В этих словах слышится авторский голос, говорящий о том, что нельзя разрушать грубо и безжалостно самые дорогие верования детской души.

Мысль о попранной справедливости возникает в детском сознании очень рано. У Вани и Нины безутешное горе: громадная собака Неро с'ела котят, похожих «на мышов». Маленьким детям кажется, что «все люди, сколько их есть в доме, всполошатся и набросятся на злодея Неро. Но люди сидят спокойно на своих местах и только удивляются аппетиту громадной собаки. Папа и мама смеются... Ваня и Нина ложатся спать, плачут и долго думают об обиженной кошке и жестоком, наглом, ненаказанном Неро».

Всякая мудрая педагогика говорит, что лучшим воспитательным средством является пример родителей и старших. Характер ребенка определяется тем, что он вилит вокруг. С невыразимой грустью описывает Чехов, к чему ведет забвение этой мудрости. За шутливой формой рассказов «Толстый и тонкий», «Альбом», «Отец семейства», «Не в духе», «Случай с классиком» видна скорбь художника о том, как быстро вянет детская радость в столкновении с пошлостью, грубостью и тупостью.

Грубое непонимание детской натуры и сложности детской психологии приводит к трагической гибели героя рассказа «Володя». С огромной болью рисует Чехов в этом рассказе заброшенность детской души. Мир ребенка не интересовал даже мать. «Боже мой, зачем ты дал мне такую мать!»—восклицает Володя. Эти слова звучат по-особому, ибо Чехов считал, что мать—лучшая воспитательница детей. Он влагает в уста прокурора собственные слова о том, что «матери незаменимы при воспитании, что они умеют заодно с ребятами чувствовать, плакать и хохотать». Материнская нежность Липы к ребенку раскрывает ей новые, совсем неизведанные области сердца, тревоги и надежды. Мать больше чем кто-либо обладает самым нужным качеством воспитателя—человечностью. А человечность — это ключ, открывающий доступ к душе ребенка. Вот что утверждает Чехов всеми своими рассказами о детях.

Мать ведет своих детей от детства к юности с ее восторгами и мечтами. В этой восторженности Чехов видел спасение от пошлости и нравственного падения. Потому так благоуханно обаятельна и прекрасна шестнадцатилетняя Надя Зеленина, вся дышащая искрометным счастьем, Ирина, взволнованная своей мечтой о счастье тихом, нежном, сладком, как ласка, и невеста Надя, которую волнуют уже судьбы родины и родного народа.

Проникновенная любовь к детям открыла Чехову душу ребенка, об'яснила интересы и запросы пробуждающегося сознания, указала талантливому художнику средства задушевного общения со своими читателями и дала русской и мировой литературе ряд бессмертных произведений.

Учитель В. КЛЮШНИКОВ.